

ЕВРИПИД**ЭЛЕКТРА**

Перевёл с древнегреческого Вланес

ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Аргосский древний край, Инаховы потоки!
Здесь тысячу судов правитель Агамемнон
повёл на смертный бой в троянские пределы!
Приама погубив, что правил в Илионе,
великий город взяв, дарданскую твердыню,
вернулся в Аргос он и славною добычей,
богатством варваров, украсил крыши храмов.
Ему везло в боях, но дома был убит он
супругою своей, коварной Клитемнестрой,
и в этом помогал Эгист ей, сын Тиеста.
Царь выронил из рук Танталов древний скипетр
и дух свой испустил. Эгист воссел на троне,
дочь Тиндарееву своей женою сделав.
Оставил прежний царь, когда пошёл на Трою,
Ореста, мальчика, и девочку, Электру.
Того украл старик, отца его кормилец,
иначе бы Орест погублен был Эгистом,
и отдал Строфию, правителю Фокиды.
Электра между тем жила в доме отцовом,
когда же юностью прекрасной распустилась,
вся знать элладская к ней сватов присылала.
Переживал Эгист, что сын её, рождённый
супругу знатному, отмстит за гибель деда,
и девушку стерёт, не выдавая замуж.
Но даже здесь была немалая опасность,
что знатному отцу дитя родится тайно.
Грозила гибель ей, но мать, хоть и злодейка,
над бедной сжалилась и уняла Эгиста.
Был повод у неё, чтоб уничтожить мужа,
детоубийцу же народ бы ненавидел.
Тогда Эгист пришёл к лукавому решению:
тому, от чьей руки погибнет беглый мальчик,
сын Агамемнона, пообещал он денег,
а мне, крестьянину, Электру отдал в жёны.
Да, я происхожу от доблестных микенцев,
и хоть винить меня никак нельзя в противном
(блистаем честью мы, но нет у нас богатства
и невозможно нам претендовать на знатность),
я, видите ли, слаб, и страх внушаю слабый.
Ведь если бы на ней аристократ женился,
об Агамемноне он пробудил бы память

и строго покарал Эгиста за убийство.
 Я, впрочем, никогда (Киприда мне свидетель)
 жену не осквернял! Она осталась чистой!
 Мне стыдно было бы дитя людей богатых
 собою унижать, я права не имею.
 К тому же горько мне, что названный мой шурин,
 Орест несчастнейший, ещё вернётся в Аргос
 и злополучный брак сестры своей увидит.
 А для кого я глуп, раз в собственном же доме
 супругу девственной, нетронутой оставил,
 тот, значит, меряет моё благоразумье
 своей ущербностью, и сам умом не блещет.

ЭЛЕКТРА

О, ночь! Кормилица созвездий золотых!
 Во тьме твоей несу на голове кувшин я,
 желая зачерпнуть водицы из реки.
 Мне в этом нет нужды, но я хочу бесчинство
 явить Эгистово недремлющим богам,
 рыдая в небеса, где мой отец внимает!
 Дочь Тиндареева, моя злодейка-мать,
 чтоб мужа ублажить, меня лишила дома!
 Эгисту своему других детей родив,
 она за выродков меня с Орестом держит!
 Ты что? Прислуживать? Несчастливая, зачем?
 Работа тяжела, а ты привыкла к неге!
 Кончай упрямиться! Прошу тебя, оставь!
 Мой драгоценный друг, ты для меня стал богом.
 Над бедной девушкой не надругался ты.
 Да, смертному везёт, когда своим несчастьям
 находит он врача, как я нашла тебя.
 Мой долг – по мере сил, пускай ты и не просишь,
 твой жребий облегчить, и, чтоб ты лучше жил,
 делить с тобой труды. Тебе довольно дела
 вне дома твоего, а в доме уж позволь
 мне сделать что-нибудь. Когда придёт работник,
 порадуется он, найдя у нас уют.
 Раз хочешь, то иди. Недалеко источник
 от дома нашего. А я волов чуть свет
 на поле выгоню и буду сеять землю,
 ведь ни один лентяй молитвами богам
 на жизнь не наскребёт. Мы все должны трудиться.

ОРЕСТ

Пилад, превыше всех в душе моей стоишь ты,
 помощник верный мой, и друг, и благодетель!
 Один из всех друзей ты чтить меня, Ореста,
 так пострадавшего от злой руки Эгиста!
 Отца он погубил, ему же помогала
 злодейка мать моя. По божьему велению

приехал в Аргос я, никем пока не узнан,
 с убийцами отца убийством расплатиться.
 Ко гробу отчему пришёл я прошлой ночью,
 там горько плакал я, и в жертву локон срезал,
 и на алтарь плеснул струю овечьей крови.
 Всё сделал тайно я, чтоб власти не узнали,
 а в стены города совсем не захожу я.
 Две цели у меня, и ради них границу
 посмел я пересечь. Хочу в другую землю
 бежать я, если вдруг меня узнают стражи,
 хочу сестру найти (сказали мне, что с мужем
 она теперь живёт, не девственная больше).
 С ней нужно встретиться, помощницею сделать
 в убийстве и узнать, что в городе творится.
 Но белое лицо заря уж поднимает,
 поэтому с тропы сойти бы не мешало.
 Когда какой-нибудь появится здесь пахарь,
 рабыня чья-нибудь, то мы у них узнаем,
 живёт ли рядом тут сестра моя родная.
 Но вижу я, идёт, неся кувшин тяжёлый
 на голове своей остриженной, служанка.
 Присядем поскорей, послушаем, что скажет
 рабыня. Может быть, о чём-нибудь узнаем,
 что к нашему, Пилад, относится приезду.

Эл. Побыстрее шагай (время больше не ждёт)!
 Торопись! Торопись, хоть и слёзы в глазах!
 Ах, боже ты мой!
 Я дитя Агамемнона,
 Клитемнестрой рождённая,
 Тиндаридой проклятою!
 Я несчастной Электрою
 называюсь в народе!
 Что за муки жестокие,
 постылая жизнь!
 Ты в Аиде лежишь, отец,
 а убийцы – жена твоя
 и Эгист, Агамемнон!

Ну давай же, стеной, рыдай!
 Насладись низверженьем слёз!

Побыстрее шагай (время больше не ждёт)!
 Торопись! Торопись, хоть и слёзы в глазах!
 Ах, боже ты мой!
 В чьём ты доме, в чьём городе
 служишь, брат обездоленный?
 Ты сестру свою жалкую
 бросил в отчих владениях
 на горчайшие муки!

Приходи же, спаситель мой,
 утишь эту боль!
 Зевс! О, Зевс! Кровь отца ты смой,
 так позорно убитого,
 ты причаливай в Аргос!
 Этот кувшин убери с головы моей,
 чтобы стенаньем ночным я к отцу
 смогла обратиться!
 Я плач, песню, мелодию
 шлю в Аид, отец мой,
 в мир подземный, к тебе! Стоны
 каждый день издаю я,
 острые ногти впиваю я
 в шею свою белоснежную,
 по голове я остриженной
 бью от тоски, что ты умер!

Э! Э! Царапай лицо!
 Лебедем, громко зывающим
 с речки, прядущей струями,
 к нежно любимому отцу,
 в сети коварной погибшему,
 я, злополучный родитель мой,
 жребий твой стала оплакивать!

Будто на ложе прискорбное, смертное,
 лёг ты в последнюю ванну свою.
 Как больно! Как тошно!
 Удар горький секирою
 принял ты, отец мой,
 горько встречен от стен Трои!
 Не венок и не митру
 ты получил от жены своей,
 взявшей двуострое лезвие,
 чтобы Эгиста позорного
 мужем коварным оставить!

ХОР

Слышишь, дочь Агамемнона?
 Я к тебе, Электра, пришла
 в этот дом деревенский!
 Приходил, приходил человек, пьющий молоко,
 микенец, бродящий в горах.
 Он сказал, что на третий день
 праздник решили провести
 аргивцы, и всем девушкам
 велели в храм Геры отправиться!

Эл.

Нет, подруги, ни к золоту,
 ни к подвескам изысканным
 сердце больше не рвётся!

Мне, бедной, чужд хоровод
 молодых аргивянок,
 топот кружащейся ноги.
 Я плачу всю ночь
 и мне приходится рыдать
 каждый день, горемычной.
 Вот, смотри! На локонах пыль!
 Пеплос мой на ветошь похож!
 Разве дочь Агамемнона,
 царевну, это красит?
 А Трою? Ведь помнит она,
 что её взял отец мой!

Хор Будь богиня прославлена!
 Подойди, возьми поносить
 мой наряд плотнотканый,
 золотыми украшениями праздник расцвети!
 Ты думаешь, плачем одним,
 без обрядов богам, врагов
 сломишь? Не стопами, дитя,
 но богопочитанием
 добьёшься ты благополучия!

Эл. Ни один бог не слушает
 криков страждущей девушки,
 криков крови отцовой!
 Как жаль убитого мне!
 Жаль живого скитальца,
 он ведь в чужом краю живёт,
 несчастный, кормясь
 у очага для батраков,
 сын такого героя!
 Я же в бедном доме томлюсь
 изнурённой плачем душой,
 лишена дома отчего,
 на склоне каменистом!
 А мать с мужем новым лежит
 на кровавой постели!

Хор У матери твоей сестрица есть, Елена,
 и дому твоему, и всей Элладе горе!

Эл. Ну ладно, женщины. Довольно причитаний!
 Я вижу, чужаки, за алтарём домашним
 лежавшие тайком, выходят из засады!
 Беги к дороге ты, а я обратно к дому
 метнусь и обогнать попробую злодеев!

Ор. Постой, несчастная! Руки моей не бойся!

Эл. Феб Аполлон, молю! Спаси меня от смерти!

Ор. Я не таким врагам, но худшим смерть готовлю!

Эл. Прочь руки от меня! Ты не своё не трогай!

Ор. Кого же я могу коснуться с бóльшим правом?
 Эл. Ты для чего с мечом у дома притаился?
 Ор. Останься, выслушай! Со мной ты согласишься!
 Эл. Я так и так твоя, поскольку ты сильнее!
 Ор. Несу я для тебя известие о брате.
 Эл. Ах, друг любимейший! Жив брат мой или умер?
 Ор. Он жив. Хочу начать с хорошего известья.
 Эл. Да будешь счастлив ты за радостную новость!
 Ор. Пускай твои слова обоих нас коснутся!
 Эл. Где бедный мой влачит злосчастное изгнанье?
 Ор. Ничей он подданный. Всё бродит и тоскует.
 Эл. Неужто терпит он нужду в насущном хлебе?
 Ор. Нужды не терпит он, но всякий странник беден.
 Эл. Ты от него пришёл с каким-то порученьем?
 Ор. Узнать, жива ли ты. И если да, то как ты?
 Эл. Ты сам не видишь ли моё сухое тело?
 Ор. Ты вянешь от скорбей, и это видеть горько.
 Эл. И волосы мои на голове обриты.
 Ор. По брату и отцу, наверное, скорбишь ты.
 Эл. Безмерно! Разве есть хоть что-то их дороже?
 Ор. Бедняжка! Разве брат тебя не так же любит?
 Эл. Отсутствующий друг – одно названье друга.
 Ор. Зачем так далеко за стенами живёшь ты?
 Эл. Я в браке, что сравним со смертью, незнакомец!
 Ор. Жаль брата твоего. А кто твой муж? Микенец?
 Эл. Да, но совсем не тот, кого отец мне выбрал.
 Ор. Прошу, рассказывай! Всё брату передам я!
 Эл. Поодаль я живу, вот в этом доме мужа.
 Ор. Жилище пахаря, а то и волопаса!
 Эл. Да, но достойного. Меня он уважает.
 Ор. И в чём же состоит супружье уваженье?
 Эл. Со мной он лечь в постель ни разу не решился.
 Ор. Что, богу дал обет? Побрезговал тобою?
 Эл. Родителей моих не хочет он бесчестить.
 Ор. Неужто он не рад войти в семью такую?
 Эл. Царя главой семьи, чужак, он не считает.
 Ор. Понятно. Мести он Орестовой боится.
 Эл. Боится, видимо. К тому же он разумен.
 Ор. Что ж!
 Эл. Твой муж порядочен, и с ним добры мы будем.
 Ор. Да, если в дом родной скиталец возвратится.
 Эл. И как же мать твоя всё это допустила?
 Ор. Для женщины, чужак, важны мужья, не дети.
 Эл. Зачем такой позор тебе Эгист устроил?
 Ор. Чтоб мужу слабому детей дала я слабых.
 Эл. И чтобы мстителей из них не получилось?
 Ор. Таков был план его. Убить бы негодя!
 Эл. А что ты девственна, муж матери-то знает?
 Ор. Не знает. От него мы это утаили.
 Эл. А эти женщины, они твои подруги?

- Эл. Они не разгласят, что мы тут говорили.
- Ор. И как Оресту быть, когда приедет в Аргос?
- Эл. Что за слова! Стыдись! Не время ли для действий?
- Ор. Но как, придя сюда, сразить убийц отцовых?
- Эл. С такой же храбростью, с какой отца сразили!
- Ор. Ты мать убила бы, поддержанная братом?
- Эл. Да! Той секирою, какой отец зарублен!
- Ор. Сказать ему о том? Ты твёрдо всё решила?
- Эл. Когда я мать убью, пусть и меня зарежут!
- Ор. Вот как!
- Жаль, нет Ореста здесь, и он тебя не слышит!
- Эл. Я не смогла бы, гость, узнать его, наверно.
- Ор. Не удивительно, ведь вы детьми расстались.
- Эл. Из всех моих друзей один его узнал бы.
- Ор. Который, говорят, его умчал от смерти?
- Эл. Да, педагог отца. Теперь он очень старый.
- Ор. А что, убитому поставлена гробница?
- Эл. Стоит какая-то. Он выброшен из дома.
- Ор. Ужасно это всё. Беседы о несчастьях, пусть и чужих людей, изматывают душу. Ты мне поведай всё, и передам я брату рассказ безрадостный, но алчущий вниманья. Способны к жалости не грубые невежды, но люди мудрые, и это их расплата за обладание умом чрезмерно ясным.
- Хор. Зажглось такое же в душе моей желанье!
За стенами живя, не зная, что за беды творятся в городе, хочу и я послушать!
- Эл. Ну что ж, я расскажу (как с другом не делиться) о тяготах моих и моего отца. Тебя молю я, гость, язык мой торопящий: про наши беды всё Оресту передай! Сперва скажи ему про эти вот лохмотья, про эту грязь на мне, про эту вот нору, в которой я живу, забыв дворец мой царский! Добавь, что я сама потею с челноком, иначе бы пришлось расхаживать мне голой, что я сама хожу на реку за водой, а не на празднества, где водят хороводы! Мне, девушке, претит замужних женщин круг, стыжусь я Кастора, который стал бессмертным, а был мой родственник и сватался ко мне. На троне мать сидит, окружена фригийской добычей, и толпа прислуживает ей рабынь из Азии, которых взял отец мой, и брошью золотой скреплён идейский шёлк на каждой девушке, а кровь отцова в доме чернеет и гниёт, убийца же отца катается в его любимой колеснице и скипетр, ведший в бой элладские войска,

- злодейскою рукой сжимает величаво!
 Гроб Агамемнона без почестей стоит,
 ни возлияний там, ни даже ветки мирта
 и никаких даров на алтаре сухом!
 Мой отчим доблестный, когда напьётся пьяным,
 по гробу прыгает, и в памятник отца,
 из камня сделанный, булыжники швыряет,
 и говорит, наглец, такое против нас:
 «Где сын твой? Где Орест? Неплох же твой защитник!»
 Так принижается мой странствующий брат.
 Тебя прошу я, гость – ты всё ему поведдай!
 Просящих множество, а я перевожу
 речь рук, и языка, и плачущего сердца,
 и срезанных волос, и мёртвого отца!
 Позор, когда отец осилил всех фригийцев,
 а сын его бежит от схватки лишь одной,
 хотя и молод он, и выше по рождению!
- Хор Смотрите! Он идёт! Хочу сказать, твой муж!
 Труды закончил он и к дому путь свой держит!
- Зем. Эй! Кто там у ворот? Откуда эти гости?
 Чего они хотят в нехитром сельском доме?
 Со мной поговорить? Для женщины позорно
 стоять в компании безусых незнакомцев!
- Эл. Не надо, милый мой, подозревать супругу!
 Узнаешь правду ты. Вот эти чужестранцы
 мне вести принесли от моего Ореста!
 Вы, гости славные, на мужа не сердитесь!
- Зем. И что же? Жив твой брат? Он видит светоч солнца?
 Эл. По их словам, он жив, и я им доверяю!
- Зем. А про беду отца, про боль сестры он помнит?
 Эл. На то надеюсь я, но изгнанный бессилён.
- Зем. Какое же Орест передаёт известье?
 Эл. Разведку он прислал, узнать мои несчастья.
- Зем. Их часть и так видна. О прочем ты расскажешь?
 Эл. Всё уж рассказано, без всяких упущений!
- Зем. Тогда не нужно ли давно открыть им двери?
 Прошу ко мне! Вас ждёт за доброе известье
 всё то радушие, что есть в жилище скромном.
 Несите, слуги, в дом хозяйские котомки!
 Не возражайте мне, поскольку в гости к другу
 идёте вы, друзья! Живу я небогато,
 но неизменной душой меня вы не сочтёте.
- Ор. О боги! Вот он, муж, который твой подложный
 поддерживает брак, чтоб не срамить Ореста?
- Эл. Всё верно. Мнимый муж твоей сестры несчастной.
- Ор. Подумать только!
 Нет чётких признаков достоинства людского,
 и перемешаны природные дары.

Знал человека я. Отец велик, а сам он –
 пигмей. А иногда у труса сын – герой.
 Бывает, что богач ум нищего имеет,
 а в теле нищего живёт богатый ум.
 Постигнув это всё, что ясным взять мерилом?
 Достаток? Нет, не то. Критерий этот плох.
 Быть может, нищету? Но нищета тлетворна
 и учит подлости, терзая дух нуждой.
 Геройство на войне? Но кто, идя на копья,
 начнёт оценивать соратников своих?
 Благоразумнее оставить эту тему.
 Вот перед нами муж. Он в Аргосе никто,
 и домом денежным не может похвалиться,
 он так, лицо в толпе, но дух породист в нём.
 Вы не безумны ли, когда бредёте в мире,
 полны пустых идей, и судите других
 по связям и друзьям, а не по благородству?
 Достойный человек и домом, и страной
 способен управлять, а низкий красит рынок
 своею статуей безмозглой. На войне
 могучая рука ничуть не твёрже слабой,
 но всё подчинено природе и душе.
 Ну, раз пришедший к вам, а также не пришедший
 сын Агамемнона, который нас прислал,
 достоин гостем быть, мы отдохнём, пожалуй.
 Ступайте, слуги, в дом! Приятней мне бедняк
 доброжелательный, чем богачей коварный.
 Я с благодарностью вхожу под этот кров,
 но я бы предпочёл в хоромах находиться
 у брата твоего, царящего в стране.
 Возможно, он придёт. Исполнен правды Локсий,
 а ворожба людей не стоит ничего.

Хор
 Теперь ещё сильнее мне радость греет сердце,
 Электра! Может быть, движение начав,
 удача к нам придёт и встанет горделиво!

Эл.
 Безумец! Ну зачем, про нашу бедность зная,
 ты в дом позвал гостей, тебе отнюдь не равных?

Зем.
 А что? Когда твой гость и вправду благороден,
 не будет ли он рад и скромному приёму?

Эл.
 Ошибку сделал ты своим приёмом скромным,
 поэтому иди к учителю отцову.
 Он у реки Танай, которая пределы
 владений аргивян от Спарты отделяет,
 теперь пасёт стада, изгнанник престарелый.
 Его ты попроси в наш дом прийти сегодня
 и захватить еды, чтоб пир гостям устроить.
 Он точно будет рад и всех богов расхвалит,
 узнав, что жив мой брат, спасённый им когда-то.
 Из дома же отца, от матери негодной

Зем. нам не пришлют еды. Мы горестным известьем
о том, что жив Орест, лишь удручим злодейку.
Раз ты так думаешь, то к старику схожу я
и позову его. А ты беги скорее
и в доме поищи! Коль женщина захочет,
она всегда найдёт, чего на стол поставить.
У нас достаточно отложено запасов,
и потчевать гостей мы целый день сумеем.
Когда я думаю над этими вещами,
я вижу, что и впрямь у денег власть большая
и угощать друзей, и оплатить лекарства,
когда придёт недуг – но для еды насущной
их роль невелика. И бедный, и богатый
одною мерою желудок наполняют.

Хор Славный флот морской шёл в поход на Трои,
вёслами бесчисленными
танцам Нереид задавая ритм,
а дельфин, флейты звук любящий,
гонялся за лиловыми
клювами кораблей.
Фетидин сын плыл воевать,
наш герой, легконогий Ахилл,
и Агамемнон к реке Симунт,
в Трое текущей, стремился.

Нереиды, мыс обогнув эвбейский,
по волнам несли золотой
щит Гефестовый, наковальни труд,
а затем Пелион, заросли
священной Оссы тайные,
горные кровы нимф
они прошли, там где отец,
конник, свет всей Эллады растил,
сына Фетиды, жены морской,
быстрого в беге Ахилла.

Слышала я от того, кто в навплийский наш порт
прибыл из Илиона,
что на твой, сын Фетиды,
славный щит нанесён был круг
изображений, вселяющих
ужас во фригийцев:
запечатлели вдоль кромки щита,
как в быстрокрылых сандалиях,
Горгонью голову держа,
храбрый Персей морем летел.
Зевсов гонец, Гермес был с ним,
сын Майи,
сельских земель защитник.

Посередине щита полыхает огнём
 круг багряного солнца,
 там крылатые кони,
 там небесные пляски звёзд,
 там и Плеяды с Гиадами,
 чтобы дрогнул Гектор.
 На златокованом шлеме несут
 Сфинксы когтистыми лапами
 добычу, жертву пенья их.
 С панциря же, скрывшего торс,
 львица бежит, дыша огнём,
 оскалась
 на жеребца Пирéне.

А на кровавом копье скачут четвероногие кони,
 пыль чёрная вздымается вокруг их спин.
 Глава столь храбрых воинов
 сгублен, дочь Тиндарова,
 твоим распутством, гадкая!
 Поэтому силы небес
 пошлют смертную казнь тебе!
 Ещё увижу я, как меч
 кровь выпускает из шеи твоей!

СТАРИК

Где госпожа моя, где юная царевна,
 дочь Агамемнона, воспитанная мною?
 Какой крутой подъём, к её ведущий дому,
 старик морщинистый преодолеть обязан!
 Но, чтоб достичь друзей, мне сложенную вдвое
 придётся спину влечь и дряхлые колени!
 Ах, доченька моя! Стоишь ты возле дома!
 Ягнёнка для тебя, рождённого недавно,
 питомца стад моих, я вынул из-под матки.
 Венки я приношу, и сыр из прессовальни,
 и дар Диониса, старинный, драгоценный,
 благоухающий! Его совсем немного,
 но в бедное вино плеснуть его приятно.
 Пусть кто-нибудь гостям всё это в дом заносит!
 А я глаза свои, распухшие от плача,
 немного оботру накидкой обветшалою.

Эл. Ты почему, старик, заплаканный явился?
 Все беды вспомнил ты, когда меня увидел?
 Ты плачешь, может быть, по бедному Оресту?
 По моему отцу, которого взрастил ты
 без пользы для себя и для своих любимых?

Ст. Без пользы. Лишь одно не смог принять я сердцем.
 Могилу по пути я навестил, и с плачем
 на голый холмик пал. Поскольку был один я,

- то гостевым вином свершил я возлиянье
из меха, и оплёл надгробье веткой мирта.
На алтаре самом я закланного видел
ягнёнка чёрного, в потёках свежей крови,
и локон золотой, состриженный недавно.
Дивлюсь я, доченька: какой смельчак решился
могилу посетить? Не аргивянин, видно.
Но, может, братец твой сюда явился втайне
и жалкий гроб отца решил почтить дарами.
Ты к волосам своим отрезанный тот локон
немедля приложи, сравни его по цвету.
Бывает, что детей кровь общая отцова
чертами схожими обильно наделяет.
- Эл. Старик, твой здоровый ум в таких словах не виден.
Подумать, что мой брат, храбрец, придёт украдкой,
что испугается какого-то Эгиста!
И как ту прядь сравнить с моими волосами,
прядь брата, взрослого в палестрах благородных,
и локон девушки ухоженный? Не выйдет!
Ты много локонов найдёшь весьма похожих,
но это всё, старик, не значит общей крови.
- Ст. Тогда в след обуви, принадлежащей гостю,
поставь ступню, дитя! Посмотрим, совпадут ли?
- Эл. Но как останется на каменистой почве
хороший след ноги? И если бы остался,
у брата и сестры следы не совпадают,
мужчины по ноге всегда крупнее женщин.
- Ст. А нет ли, если брат и впрямь сюда приехал,
<среди его вещей, на нём самом, быть может,>
твоим же челноком произведённой ткани,
в которой я его когда-то спас от смерти?
- Эл. Неужто ты забыл, что я была ребёнком,
когда Орест бежал? Пусть даже и ткала я,
как может человек носить свой детский пеплос?
Ведь ткани не растут, в отличие от тела!
Могилу пожалев, свой локон срезал странник,
от соглядатаев, наверное, скрываясь.
- Ст. А гости где сейчас? Хочу я их увидеть,
про брата твоего позадавать вопросы.
- Эл. Вот лёгкою стопой идут они из дома!
- Ст. Вид благороден их, но вид легко подделать,
среди знати тоже есть немало негодяев.
Я поздороваюсь, однако же, с гостями.
- Ор. День добрый, старина! Электра, что за друг
владеет этой человеческой руиной?
- Эл. Гость, этот человек воспитывал отца.
- Ор. Да что ты! Значит, он и твоего спас брата?
- Эл. Да. Если жив мой брат, выходит, что и спас.
- Ор. Постой-ка!
Зачем он на меня, как на монету, смотрит,

- ещё блестящую? Я сходен с кем-нибудь?
- Эл. Наверное, он рад, что ты Оресту сверстник.
- Ор. Любимчику его. Что ходит он вокруг?
- Эл. Сама я, милый гость, смотрю и удивляюсь.
- Ст. Электра! Госпожа! Моли бессмертных, дочь!
- Эл. О чём? О том, что есть? О том, чего не стало?
- Ст. Чтоб сладкий дар принять! Его являет бог!
- Эл. Изволь, молю богов! Старик, что дальше делать?
- Ст. Дитя, всмотрись в него, в сокровище твоё!
- Эл. Да я давно смотрю. Ты что, ума лишился?
- Ст. Лишился, посмотрев на брата твоего?
- Эл. Что ты сказал, старик, своим неожиданным словом?
- Ст. Сын Агамемнона! Орест! Он здесь, гляди!
- Эл. На что же мне глядеть, какой черте поверить?
- Ст. Рубцу надбровному! За оленёнком вы
в саду отца гнались, и братец твой расшибся!
- Эл. О чём ты? Точно, да! Вот и паденья след!
- Ст. Чего ж ты не бежишь к милейшему из смертных?
- Эл. Уже бегу, старик! Всё-всё, что ты сказал,
теперь доказано! Пришёл ты, наконец-то,
а я устала ждать! Ор. И ты ко мне пришла!
- Эл. Надежды не было... Ор. И я терял надежду!
- Эл. Ты это? Правда, ты? Ор. Союзник твой, один!
И если вытащу свой невод я на берег,
<то все твои мечты сумею накормить!>
- Конечно! Если ложь над правдой торжествует,
зачем нам веровать в могущество богов?
- Хор Пришёл ты, пришёл, желанный мой день,
воссиял ты, являя городу
наш факел родной, что в дальнем краю,
разлучённый надолго с родиной,
несчастный, блуждал!
Некий бог, некий бог нам несёт в этот раз,
победу, сестра!
Ты руки воздень, воскликни, взмолись
божествам, чтоб волей судьбы,
счастливой судьбы, брат в город вступил!
- Ор. Ну хватит, перестань! Хоть и милы объятья,
верну я их тебе, когда наступит срок.
Скажи-ка мне, старик, пришедший очень кстати:
как по квитаться мне с убийцею отца
и с матерью моей, вступившей в брак преступный?
Живёт ли в Аргосе к нам благосклонный друг
иль всё, как жизнь моя, раскрадено бесследно?
С кем нужно встретиться? Как лучше? Ночью? Днём?
Какой мне выбрать путь, чтоб справиться с врагами?
- Ст. Сынок, в беде твоей нет друга у тебя.
Находка редкая, когда с тобою рядом

разделит кто-нибудь и радость, и печаль.
 Но ты (в глазах друзей погибший совершенно,
 лишённый всех надежд) пойми, что я скажу:
 ты только мужеством и милосердием рока
 сумеешь отчий дом и город свой вернуть.

Ор. Но что же сделать мне для достижения цели?
 Ст. И кровь Тиестову, и мать свою убить.

Ор. Мне нужен тот венец! Но как его добиться?
 Ст. Смирив желание и в город не входя.

Ор. Там стража сильная? Там рати копьеносцев?
 Ст. Ты прав. Боится враг и беспокойно спит.

Ор. Понятно. Но, старик, скажи, что дальше делать!
 Ст. Послушай. Только что мне мысль пришла одна.

Ор. Надеюсь, дельная! Давай, я весь вниманье!
 Ст. Эгист мне встретился, когда я шёл сюда.

Ор. Прекрасные слова! В каких местах, однако?
 Ст. Близ этих вот полей, у табунов своих.

Ор. А что он делал там? Во тьме надежда блещет!
 Ст. Готовил нимфам пир, как показалось мне.

Ор. Дар за детей своих? Прося ещё ребёнка?
 Ст. Я знаю лишь одно: он резать вёл тельца.

Ор. А сколько воинов? Он был один, с рабами?
 Ст. Аргивцев не было. Домашние рабы.

Ор. Никто из них, старик, меня не опознает?
 Ст. Никто из тех рабов тебя не может знать.

Ор. А если победим, они служить нам будут?
 Ст. Рабам то свойственно. Считаю, тебе везёт.

Ор. Но как же я к врагу приблизиться сумею?
 Ст. Пусть, жертву принося, тебя заметит он.

Ор. Поля его стоят, похоже, вдоль дороги.
 Ст. Тебя увидит он и пригласит на пир.

Ор. И если хочет бог, я горьким гостем буду!
 Ст. А дальше поступай, как жребий твой падёт.

Ор. Сказал ты хорошо. Но где же мать найду я?
 Ст. Мать в Аргосе. На пир она придёт потом.

Ор. А почему она не выехала с мужем?
 Ст. Должно быть, мешкает, боясь хулы людской.

Ор. Понятно. На неё весь город смотрит косо.
 Ст. Да, точно. Весь народ изменницу клянёт.

Ор. Но как же двух врагов сразить одновременно?
 Эл. Убийство матери доверьте лучше мне!

Ор. А в остальном судьба мою направит руку!
 Эл. И пусть обоим нам содействует наш друг!

Ст. Добро. Но мать убить... Какой найдёшь ты способ?
 Эл. Такой. Иди, старик, поведай Клитемнестре...
 <Ст. О чём, родимая? Скажи мне поскорее!>

Эл. Ты должен возвестить, что родила я сына.
 Ст. Давно ли родила? Недавно ли? Как лучше?
 Эл. Скажи, что десять дней уже я очищаюсь.
 Ст. Но как ты мать убьёшь подобным сообщением?

- Эл. Она придёт, узнав, что я лежу больная.
 Ст. Зачем? Ты думаешь, не всё равно ей, дочка?
 Эл. Нет. Внук-простолюдин у ней исторгнет слёзы.
 Ст. Быть может. Но верни на круг свой колесницу.
 Эл. Когда она придёт, погибнет непременно!
 Ст. Допустим, здесь она. Пришла к воротам дома.
 Эл. Неужто долог путь от них до врат Аида?
 Ст. Такое увидав, и умереть не жалко!
 Эл. Сначала, старый друг, ты брату путь покажешь.
 Ст. Туда, где для богов Эгист готовит жертву?
 Эл. Потом ты встретишь мать и передашь ей новость.
 Ст. Скажу ей будто бы твоими же устами!
 Эл. За дело! На врага! По жребию ты первый!
 Ор. Пойду, как только мне найдётся провожатый.
 Ст. Я провожу тебя с охотой величайшей!
 Ор. О, Зевс! О, бог отца! Бич недругов моих!
 Помилосердствуй нам! Как страшно мы страдали!
 Эл. К потомству своему ты жалость прояви!
 Ор. О, Гера, госпожа микенских алтарей!
 Даруй победу нам, когда мы правды просим!
 Эл. Позволь нам за отца достойно отомстить!
 Ор. Отец, предательством переселённый в землю,
 и госпожа Земля, удары рук моих
 услышь и защити твоих детей любимых!
 Возьми в союзники отряды мертвецов,
 с тобою, мой отец, фригийцев разгромивших,
 горящих злобою к безбожным подлецам!
 О, матери моей несчастный муж! Ты слышишь?
 Эл. Всё слышит наш отец. Но вам пора идти.
 Я говорю тебе: Эгист погибнуть должен!
 И если ты падёшь в сражении с врагом,
 тогда уж и меня не причисляй к живущим,
 ведь я двуострый меч под грудь себе вонжу.
 Сейчас я в дом пойду и меч там приготовлю!
 А если весть придёт о торжестве твоём,
 то воспоёт весь дом! Но если ты погибнешь,
 нас всех иное ждёт. Я вот что говорю.
 Пусть, женщины, ваш крик, несущий весть о битве,
 зажжётся пламенем! Я буду начеку,
 рукой сжимая меч и к действию готова!
 Могу я проиграть, но никогда врагам
 не дам возможности глумиться надо мною!
- Хор Как легенды гласят стародавние,
 Пан, владыка зверей, привёл
 златорунного агнца к нам,
 у аргивских склонов дитя
 с нежной матерью разлучив.
 Он играл дивную песнь
 на свирели сладостной своей.

Глашатай закричал тогда
с трибуны каменной: «Скорей!
Все на площадь, на площадь, микенцы!
Там вы увидите
знаменье, дар чудесный
нашим блаженным царям!» И запел
хор, славя дом Атридов!

Золочёные храмы распахнуты,
и алтарный огонь горел,
озаря аргивский град,
а свирель издавала звук
превосходный, служанка Муз!
Красота песен росла
в честь золотого агнца, но потом
Тиест, Атрееву жену
возлюбленную соблазнив,
зверя вещего в дом свой уводит
и, встав на площади,
громко кричит, что дома
овен рогатый живёт у него,
шерстью золотой покрытый!

Вот тогда Зевс изменил
блистающие дуги звёзд,
и свет солнца, и над землёй
белое лицо зари,
двинул к западу небеса
в божественном, палящем огне,
бросил тучи к Медведице!
Дом Амона высох совсем,
омертвел без чистой росы
и чудесных, посланных Зевсом дождей!

Так предания говорят,
но мало верю я, что вспять
пошёл солнца диск золотой,
развернув свой жаркий трон,
и несчастье всем нам принёс,
чтоб наказать людей за грехи!
Мифы сделаны страшными,
чтобы люди чтили богов,
о которых, мужа губя,
ты не вспомнила, славных братьев сестра!

Что это? Что?
Подруги, то был крик? Нашло ли наважденье
пустое на меня? Как Зевсов гром подземный!
Порхает ветерок и что-то шепчет! Слушай!
Электра, госпожа! Скорей из дома выйди!

Эл. Подруги, что стряслось? Как битва нам даётся?
Хор Мне ясно лишь одно: я крики смерти слышу!
Эл. Их слышала и я! Издалека, но внятно!
Хор Дорога не мала, но звук вполне отчётлив!
Эл. Аргивский это стон? А, может, наших ближних?
Хор Не знаю. Скомкана мелодия стенаний!
Эл. Ты кличешь смерть ко мне! Пора! Зачем я медлю?
Хор Постой! Сперва узнай свой жребий несомненно!
Эл. Нет! Мы побеждены! Где вестники от брата?
Хор Придут! Убить царя – нешуточное дело!

ВЕСТНИК

О, девушки Микен, прекрасные в победе!
Друзьям Орестовым кричу я – битва наша!
Эгист, от чьей руки погиб царь Агамемнон,
простёрся на земле! Помолимся бессмертным!

Эл. Ты кто? И почему тебе должна я верить?
Вест. Тебе ли незнаком слуга родного брата?
Эл. Возлюбленный мой друг! От страха не смогла я
лицо твоё узнать! Но я теперь узнала!
Так что ты говоришь? Погиб убийца мерзкий?

Вест. Погиб! Такую весть и повторить не жалко!
Эл. О, боги! Наконец! О, Правды лик всезрящий!
Каким же образом, каким путём убийства
сражён Тиестов сын? Не терпится услышать!

Вест. Немного отдалясь от этого жилища,
на двухколейную дорогу вышли мы,
где был и славный вождь микенского народа.
Ходил по саду он, политому дождём,
и на венок срезал молодые ветви мирта.
Увидев нас, кричит: «Эй, странники! Вы кто?
Откуда вы пришли? Какое ваше царство?»
Орест ему в ответ: «Фессалия! Идём
к Алфею, с жертвою для Зевса Олимпийца!»
Услышав те слова, Эгист нам говорит:
«Однако трапезу придётся вам сначала
со мною разделить, ведь нимфам в этот день
я жертвую тельца. Поднявшись на рассвете,
вы путь нагоните. Идём со мной в шатёр!»
Он это говорил и влёт нас за собою,
хватая за руки. «Я не приму отказ!»
Когда вошли в шатёр, сказал он: «Побыстрее
воды подать гостям, чтоб встать они смогли,
алтарь наш окружив, у чаш для омовенья!»
Орест ему тогда: «Омыты мы уже
струями чистыми реки быстротекущей,
и если гражданам прилично, вождь Эгист,
дать жертву при гостях, тебе мы не откажем».
Таков был разговор в скоплении людей.
И, копья отложив, хранившие тирана,

проворные рабы за дело принялись:
 те чашу принесли для крови, те корзину,
 а те зажгли огонь и возле алтаря
 котлы поставили. Шатёр гудел от шума!
 Взяв жертвенный ячмень, муж матери твоей
 посыпал им алтарь и речь сказал такую:
 «Услышьте, нимфы скал! Чтоб жертвовать тельцов,
 мы с Тиндаридою, владычицею дома,
 да будем счастливы! И да падут враги!»
 (Ты, значит, и Орест.) Хозяин мой, однако,
 молился об ином и шёпотом просил
 вернуть отцовский дом. Эгист, взяв из корзины
 нож с лезвием прямым, в божественный огонь
 рукою правою телячий локон бросил
 и жертву совершил, когда тельца рабы
 на плечи подняли. «Средь фессалийцев, – брату
 сказал он твоему, – разделкой бычьих туш
 и укрошением коней гордится каждый.
 Итак, любезный гость, возьми железный нож
 и покажи нам всем искусство фессалийцев!»
 Тот взял дорийский нож, изделие мастеров,
 снял с плеч изящный плащ, украшенный застёжкой,
 Пилада верного в помощники призвал,
 велел уйти рабам и на ноге телячьей
 плоть белую открыв отставленной рукой
 и шкуру сняв быстрее, чем покрывает в беге
 два конных стадия выносливый атлет,
 вспорол тельцу бока. Священные взяв части,
 Эгист всмотрелся в них, но печень-то была
 без доли, а пузырь вблизи воротной вены
 вторженье многих зол гадателю сулил.
 Царь сильно помрачнел, ему же мой хозяин:
 «Ты что нахмурился?» «Коварства я боюсь
 из-за границы, гость! Там самый гадкий смертный,
 сын Агамемнона, враг дома моего!»
 А тот: «Неужто ты изгнанника страшишься,
 царь города? Оставь! Съедем-ка потрохов!
 Эй, кто-нибудь! Скорей! Несите нож мне фтийский
 взамен дорийского, грудину раздробить!»
 Взяв нож, стал кость ломать. Эгист над потрохами
 стоял и рылся в них. Нагнулся он чуть-чуть,
 и сразу же твой брат, на цыпочки поднявшись,
 удар ему нанёс по самым позвонкам
 и проломил хребет! Всем телом царь забился,
 встречая криками мучительную смерть!
 Увидев это всё, рабы бегут к оружию,
 толпа на двух бойцов! Но под атакой их
 стояли доблестно, мечами потрясая,
 Пилад и твой Орест. Сказал он: «Не врагом
 я в город прихожу, моих же слуг встречая,

с убийцею отца сведя последний счёт,
 несчастный ваш Орест! Меня не убивайте,
 вы, старые рабы отцовы!» А они,
 услышав те слова, попридержали копья,
 и говорящего слуга седой узнал.
 На брата твоего венки они надели,
 крича и радуясь! Уж он идёт сюда
 и голову тебе покажет не Горгонию,
 но ненавистного Эгиста! Кровью кровь
 покойный смысл теперь. Плачевная расплата!

Хор Ты танец начни, дорогая!
 Как оленёнок, легко
 к небу подпрыгни, радужным счастьем светясь!
 Победный венец получил
 получше того, что у потоков Алфея
 вручают, милый твой брат! Начинай же
 петь под танец мой песню торжества!

Эл. О, день! О, солнечный огонь четырёхконный!
 И ты, земля! И ночь, мне полнившая взор!
 Теперь глаза мои свободно распахнулись,
 когда погиб Эгист, прервавший жизнь отца!
 Подруги, поскорей! Несём венцы из дома,
 из тайных кладовых! Украсить я хочу
 победное чело возлюбленного брата!

Хор Сходи-ка сама за венцами,
 чтобы украсить его,
 мы же исполним танец, отрадный для Муз!
 Опять исконные цари,
 возлюбленные, станут землёй нашей править
 по чести, свергнув злодеев преступных!
 Пусть наш крик звучит, полнясь торжеством!

Эл. О, победитель зла! Орест мой! Сын героя,
 в бою низвергнувшего твердыню Илиона!
 Ты локоны свои покрой венцом прекрасным!
 Вернулся ты домой, не в беге на шесть плетров
 победу одержав, но сокрушив Эгиста,
 врага, забравшего отца у нас обоих!
 И ты, соратник наш, сын праведного мужа,
 Пилад! Из рук моих прими венец победный!
 Ты с братом наравне сражался в этой битве!
 Пусть благо вечное сияет вам обоим!

Ор. Начни с хвалы богам, Электра, ниспославшим
 удачу эту нам, а уж потом прославишь
 и брата своего, слугу богов и рока!
 Я прихожу сюда, на деле, не на слове
 Эгиста погубив! И чтоб ты убедилась

в правдивости моей, принёс я труп злодея!
 Что хочешь делай с ним. Скорми его шакалам,
 за домом выстави, насаженного на кол,
 для птиц, детей небес. Рабом твоим отныне
 стал тот, кто раньше был хозяином суровым!

Эл. Мне стыдно говорить, но чувствую, что надо.

Ор. О чём же? Объяснись! Причины нет бояться.

Эл. Меня осудят ведь за осквернение мёртвых!

Ор. Тут ни одна душа протестовать не станет.

Эл. Но город наш ворчлив и любит пересуды!

Ор. Что хочешь ты, сестра, то и скажи. Враждою
 непримиримую мы связаны с убитым.

Эл. Ну ладно. Где начать поток упрёков горьких
 и где прервать его? Что вставить в середину?
 Я ни один рассвет ещё не пропустила,
 готовясь речь мою тебе открыто бросить,
 когда бы я смогла избавиться от страхов,
 теперь уже былых! Смотри же! Я свободна!
 Послушай, мёртвый враг, что ты живым не слышал!
 Ты погубил меня, забрал отца родного
 у брата и меня, от нас не зная горя,
 мать браком запятнал, убил её супруга,
 вождя всех эллинов, не встретив ни фригийца!
 Каким ты был глупцом, надеясь жить достойно
 при матери моей, отъявленной злодейке,
 с моим родителем так подло поступившей!
 Знай, если кто-нибудь, прельстив жену чужую
 на тайную постель, потом жениться должен,
 то этот человек безумец, если верит,
 что будет преданной предательница мужа!
 Ты безотрадно жил, хоть жалким не казался.
 Ты знал, что состоишь в противоправном браке,
 и знала мать моя, что вышла за подонка!
 Вы, двое подлецов, судьбою обменялись,
 она взяла твоё, а ты её злодейство!
 Такие вот слова ты слышал от аргивцев:
 «Муж этот под женой, а не жена под мужем».
 Ведь это сущий стыд, когда жена решает
 всё в доме, а не муж! Я, право, ненавижу
 детей, которые не именем отцовым
 известны в городе, но славой материнской!
 Когда живёшь с женой, тебя превосходящей,
 то хвалят все жену, тебя же презирают.
 Но горестней всего ошибся ты, невежда,
 когда хотел купить себе значенье в мире.
 С деньгами дружбы нет, есть краткое знакомство,
 в характере вся суть, а вовсе не в богатстве!
 Характер вечно в нас, он беды отсекает,
 а роскошь нечестна и, чуть пожив с глупцами,
 из дома прочь летит, и цвет её недолог.

О женщинах твоих (поскольку эта тема
 не для девичьих уст), я вскользь упомяну лишь.
 Ты стал разнузданным, дворец прибавив царский
 к своей смазливости! Хочу я видеть мужа
 не женственным, как ты, но сдержанным и строгим!
 Таких вот сыновья несут огонь Аресов,
 а всяким щёголям лишь в хороводах место.
 Ступай же прочь, глупец, избалованный жизнью,
 слепой к возмездию! И пусть не мнит преступник,
 закончив первый круг, что одержал победу
 над Справедливостью! Пускай сперва домчится
 до финишной черты и жизнь окончит мирно!

Хор Страшны его дела, и страшную расплату
 потребовали вы. Всесильна Справедливость!

Ор. Ну хватит. Вы, рабы, покойника несите
 в каморку потемней, чтоб мать, сюда явившись,
 труп не увидела перед своим убийством.

Эл. Постой-ка! О другом поговорим сначала!

Ор. О чём же? Видишь ты отряд солдат микенских?

Эл. Нет-нет! Я вижу мать, мне давшую рождение!

Ор. С какую пышностью она к нам в сети едет!

Эл. И колесницею, и платьем так и блещет!

Ор. Что делать-то теперь? Неужто мать зарежем?

Эл. Жалеешь мамочку, едва её увидев?

Ор. Ах, господи!
 Убить родную мать? Она мне грудь давала!

Эл. И милого отца лишила нас обоих!

Ор. О, Феб! Как ты прорёк безумие такое!

Эл. Коль Аполлон глупец, то кто тогда разумен?

Ор. На мать меня насрать! Нарушить долг священный!

Эл. Но что тебе за вред отместить за смерть отцову?

Ор. Я чист, но, мать убив, опять уйду в изгнание!

Эл. А за отца не мстя, ты станешь нечестивцем!

Ор. Я знаю. Но за мать не понесу ли кару?

Эл. А что ты понесёшь, отцово дело бросив?

Ор. То был не демон ли, принявший облик божий?

Эл. Где, на треножнике? В священном храме? Вряд ли.

Ор. Не одобряю я такие прорицанья!

Эл. Не малодушничай, не превращайся в труса,
 но к ней ты примени такую же уловку,
 которой ты провёл и погубил Эгиста!

Ор. Теперь я в дом пойду. Займусь я делом страшным.
 Я мерзость сотворю. Но так велели боги!
 Труд горький как полынь, вот вам и сладость мести...

Хор О!
 Ты, царица аргивская, здравствуй!
 Гиндареева дочь
 и сестра сыновей храбрых Зевса,
 пребывающих в пылком эфире,
 среди звёзд, и спасающих смертных

в шумном рокоте вала морского!
Здравствуй, равная братьям-героям
и богатством обильным, и счастьем!
Ныне самое время прославить
твой удел, госпожа!

КЛИТЕМНЕСТРА

- Троянки, быстренько сойдите с колесницы
и дайте руку мне, чтоб я спустилась тоже!
Трофеями блещут родные наши храмы,
фригийской роскошью, а я троянок этих
служить мне привезла. Хоть этот дар не стоит
убитой дочери, но во дворце сгодится.
- Эл. Поскольку я раба и прогнана жестоко
из дома отчего, чтоб жить в несчастном доме,
позволь блаженных рук твоих коснуться, мама.
- Кл. Рабыни есть на то. Не стоит напрягаться.
- Эл. А почему бы нет? Невольницей из дома
ты выгнала меня. Пока мой дом захвачен,
живу я, как они, пленённой сиротою.
- Кл. А всё из-за того, что твой отец задумал
родным своим вредить! Нет хуже преступления!
Сейчас я всё скажу. Ответствуя злословью,
язык у женщины становится прегорьким.
Ты зря меня винишь. Узнать сначала нужно
все факты, а потом, когда на то есть повод,
бросаться в ненависть. А что клеймить напрасно?
Отец твой взял меня из дома Тиндарея
совсем не для того, чтоб мы с детьми погибли.
Из дома дочь мою на мнимый брак с Ахиллом
в Авлиду он увёз, где флот стоял без ветра.
Там, Ифигению над пламенем подвесив,
он горло белое ножом ей перерезал!
Когда бы защищал он город от захвата,
семье бы помогал, других детей спасая
и жертвуя одним, я это бы простила!
Но нет, из-за измен распутницы-Елены,
из-за того, что муж не знал, как успокоить
жену продажную, дитя моё погибло!
Он оскорбил меня, но не по той причине
разгневалась я так и мужа погубила.
Он в дом ещё привёл блаженную вещунью
и с нею лёг в постель, имея две супруги
под кровлею одной, в одно и то же время!
Все женщины глупы, я тут не возражаю,
но если мой супруг, природу женщин зная,
отверг мою постель, то разве не разумно
мне взять с него пример и тоже выбрать друга?
Конечно, все трубят о том, как мы развратны,
а тем, кто начал всё, мужьям, и горя мало!

Представь, что Менелай похищен был из дома,
а я Ореста бы убила, чтобы мужа
сестры моей спасти! Ты думаешь, отец твой
такое бы стерпел? Ему нет наказания
за гибель дочери, но если б я решилась
<на то же самое, что было бы со мною?>
Убила я его! Пошла одним возможным
путём, к его врагам! Какой же друг семейный
отцу бы твоему готовил смерть со мною?
Давай! Дерзи в ответ! Скажи мне, если хочешь,
в чём тут нечестие, что твой отец покойник?

Хор Есть правота в тебе. Постыдная, однако.
Жена во всём должна повиноваться мужу,
разумная жена! А с той, что полагает
иначе как-нибудь, не стоит и считаться!

Эл. Свои последние слова запомни, мама.
Сама ты вызвала меня на откровенность.

Кл. И я от слов моих, дитя, не отступаюсь.

Эл. Ты, выслушав меня, не навредишь мне, мама?

Кл. Ничуть. Мне радостно тебе доставить радость.

Эл. Тогда я речь начну, и вот моё вступленье.
Ах, если б, мамочка, была ты поумнее!
Хоть ваша красота заслуживает славы,
Елены и твоя, вы сёстры ведь родные,
но обе вы глупы и Кастору не ровня.
Та гибель встретила, себя украсть позволив,
а ты лишила нас героя всей Эллады,
оправдываясь тем, что мстила за ребёнка!
Но так, как знаю я, тебя никто не знает.
Ещё на дочь твою никто не покушался
и муж едва ушёл, ты к зеркалу метнулась
укладывать кудрей колечки золотые!
Жена, которая в отсутствие супруга
наводит красоту, не стоит и упрёков!
Лицо красивое за двери выставляя,
что делает она, как не бесчестья просит?
Из всех известных мне гречанок ты одна лишь
сияла радостью, когда везло троянцам,
когда же не везло, ходила с мрачным взором,
страдая, что придёт из Трои Агамемнон!
Всё было у тебя для жизни благой,
супруг был у тебя, не изменней Эгиста,
Элладой избранный начальствовать войсками!
Когда сестра твоя, Елена, опустила,
могла ты вознестись немеркнущею славой!
Добро пленительно, на фоне зла сияя!
Отец наш, говоришь, дитя твоё зарезал.
А как же я и брат? В чём наше преступленье?
Убила мужа ты. Зачем же дом отцовский
ты нам не отдала, но принесла чужое

- имущество в постель, купив себе супруга?
 За брата моего зачем твой муж не изгнан,
 и за меня не мёртв? Меня убил он дважды,
 живую, а сестра один лишь раз погибла!
 Но если праведно убийством смыть убийство,
 я, мать, убью тебя, и мне Орест поможет,
 ведь если ты права, то я права подавно!
 Кто ради золота и красоты телесной
 на стерве женится, тот мудростью не блещет!
 Приличная жена гораздо лучше знатной.
- Хор С женой как повезёт. Одни мужа довольны,
 другие, видимо, не знают в браке счастья.
- Кл. Отца ты своего всегда любила, дочка.
 Так жизнь устроена, что дети любят больше
 одни отцов своих, а матерей другие.
 Тебя прощаю я. Мне и самой не слишком
 приятно, девочка, свои поступки помнить.
 Душа моя мрачна из-за моих решений.
 На мужа злилась я сильнее, чем нужно было!
- Эл. Теперь-то что стенать? Былого не воротишь.
 Отца уж нет в живых. Но почему же сына
 домой ты не вернёшь, скитальца в землях чуждых?
- Кл. Боюсь я. Мне важнее мои дела, не сына.
 Он злится, говорят, что я отца убила.
- Эл. А на меня зачем ты мужа натравляешь?
- Кл. У мужа нрав такой. К тому же ты строптива.
- Эл. Затем что мучаюсь! Но скоро успокоюсь.
- Кл. Тогда и он тебя теснить уже не будет.
- Эл. Он слишком чванится, живя в моём же доме.
- Кл. Вот видишь! Ты опять на угли ссоры дуешь!
- Эл. Я замолчу о нём. Боюсь я, как боялась.
- Кл. Довольно рассуждать! Зачем звала ты, дочка?
- Эл. Ты, может, слышала. Ребёнка родила я.
 Ты жертву принеси (сама я не умею),
 десятую луну отметить, как подобает.
 Я в том несведуща. Я раньше не рожала.
- Кл. Пусть это делает повившая младенца.
- Эл. Сама я родила, сама дитя повила.
- Кл. А дом твой без друзей и рядом нет соседей?
- Эл. Кому нужны друзья, живущие бездельно!
- Кл. Ты так неряшлива и так одета грязно!
 Ты на роженицу несколько не похожа.
 Пойду я. Принесу богам за внука жертву
 в десятый этот день. Когда тебя уважу,
 поеду в поле я, где в это время нимфам
 и муж мой жертвует. Служанки, быстро к яслям
 ведите лошадей! Когда вам будет видно,
 что я закончила вершить обряд священный,
 вернитесь! Я должна уважить и супруга.
- Эл. Войди в наш бедный дом. Да не испачкай сажей

свой пеплос! Там, внутри, всё копотью покрыто!
 Богам ты принесёшь положенную жертву.
 Корзина там стоит и нож уже заточен,
 которым бык убит, и ты с ним рядом ляжешь,
 изрезанная вся. Женой в Аиде будешь
 тому, кто жил с тобой под этим кратким солнцем.
 Уважу я тебя! Плати за смерть отцову!
 Хор Расплата за зло! Другие ветра
 подули на дом! В купальне сражён
 хозяин мой, властитель мой!
 Откликнулся свод, и камень запел карнизов резных
 на крик: «Ах, жена! Ах, ужас какой! Меня ты убьёшь
 у милых полей, засеянных в десятый раз?
 <Не надо! Постой!» Но взвился топор
 и темя ему рассёк пополам!>

Возмездье придёт, падёт на неё
 за горечь измен! Несчастный супруг
 раз в много лет пришёл домой,
 где высится ряд Киклоповых стен, касаясь небес,
 она же сама вонзила в него преострый топор!
 Пропал бедный муж, каким бы ни был демон в ней!
 Как львица, она себя повела,
 сошедшая с гор к долине лесной!

Кл. (в доме)
 Ах, дети! Смилуйтесь! Не убивайте маму!
 Хор Кричат внутри! Ты слышишь крик?
 Кл. Ах, боже ты мой!
 Хор И я оплачу жертву собственных детей!
 Всем бог воздаёт во время своё!
 Ты мучилась, да! Но тяжек твой грех
 пред мужем твоим!

Вот и они идут, одеты свежей кровью
 своей же матери! Выходят к нам из дома!
 <Смотрите! На полу видны тела убитых,>
 трофеи жалких ссор, останки жертвы страшной!
 Нет рода на земле несчастнее, чем эта
 семья Танталова, и никогда не будет!

Ор. Ах, Гея-мать и Зевс, весь мир сверлящий взглядом!
 Смотрите же на мерзкий труд,
 на кровь и грязь! Два мертвеца
 в пыли лежат, изранены
 рукой моей, чтоб искупить
 злключения мои!
 <Но как мне тяжело! Боже мой!
 Как теснит под сердцем!>
 Эл. Плачевно это, брат! И я всему виною!

- На маму бедную я злобою пылала,
дочь её родная!
- <Хор> Что за судьба! Что за судьба!
Несчастье страшное родить,
а вытерпеть ещё страшней
от собственных, родных детей!
Но ты за их отца по чести расплатилась!
- Ор. Ах, Феб, невнятную воспевавший справедливость!
Лишь боль ты внятно причинил,
убийцу сделал из меня,
от эллинов ушедшего!
В какой же город мне пойти?
Что за благочинный муж
захочет мне в глаза взглянуть,
матереубийце?
- Эл. А! А! Куда пойду? С кем буду танцевать я?
И выйду за кого? Какой супруг откроет
брачное мне ложе?
- Хор Опять, опять твой лёгкий ум
порхает вместе с ветерком!
Теперь благочестива ты,
а прежде не была такой,
и осквернён тобой, подруга, брат безвольный!
- Ор. Ты помнишь, как она раздвинула свой пеплос
и обнажила грудь, чтоб видели убийцы?
Ах, как простёрлась на полу
плоть, давшая нам жизнь! Я волосы её...
- Хор Да, знаю! Ты сквозь ад прошёл,
услышав страшный, горький стон
матери родимой!
- Ор. Она кричала так, схватив мой подбородок
рукой своей: «Дитя! Пожалуйста! Сыночек!»
За щёки трогала меня,
чтоб выронил из рук я свой преступный меч!
- Хор Страдалица! Ты разве мог
смотреть на то, как мать твоя
дух свой испускала?
- Ор. Прикрыв себе глаза плащом, я приступил
к жертвоприношению
и в горло мамы меч вонзил!
- Эл. Тебя ведь подстрекала я!
Рукой подталкивала меч!
- Хор Что ты наделала! Ужас какой!
- Ор. Вот пеплос. На, возьми, на мать накинь его,
раны страшные прикрой.
Ты родила себе убийц.

Эл. Немилой милой, посмотри,
я этот пеплос отдаю!
Вот родового проклятья венец!

Хор Кто же там показался над крышей
дома этого? Демоны? Боги
с лучезарных небес? Не для смертных
этот путь! Для чего им являться,
чтобы ясно их видели люди?

КАСТОР

Сын Агамемнона, послушай! Диоскуры,
два брата матери твоей, к тебе взывают!
Я – Кастор. И мой брат со мною, Полидевк.
Шторм только что смирив, для кораблей опасный,
мы в Аргос прибыли. Мы видели, как нашу
сестру ты убивал, родную мать свою.
Законна казнь её, но месть твоя преступна.
Всё это сделал Феб... Но Феб мой повелитель,
и, значит, я смолчу. Немудрым был мудрец.
Смириться должен ты и поступать отныне,
как Мойра и сам Зевс насчёт тебя решили.
Пиладу следует Электру в жёны взять.
Отдав ему сестру, покинь родимый Аргос,
убийце матери нельзя тут находиться.
А Керы, божества, похожие на псиц,
тебя погонят прочь, чтоб ты блуждал безумно.
В Афины ты ступай и к статуе Паллады
священной припади. Она же своре той,
трясущей змеями, тебя не даст коснуться,
укрыв тебя от них своим щитом горгоньим.
Там холм Аресов есть, где боги первый раз
считали камешки, когда Арес во гневе
кровь Галиррофия плеснул ручьём на землю,
ведь дочь его хотел бесстыдно совратить
царя морского сын. С тех пор там и вершится
голосованием благое правосудье,
туда и ты пойдёшь за кровь ответ держать.
Две горки равные из камешков твой жребий
решат спасительно, поскольку скажет Локсий,
что он виновен в том, что ты зарезал мать.
Отсюда и закон на все века возникнет,
при равных голосах дающий оправданье.
Богини страшные, охвачены тоской,
у самого холма провалятся под землю,
давая знаменье благочестивым людям.
А ты в Аркадии, где пенится Алфей
и где ликейский храм, потом воздвигнешь город,
и будет именем твоим тот город назван.
Вот речь моя тебе. Пускай Эгистов труп

аргоссы погребут, землёй его покроют.
 Твою родную мать пусть Менелай с женою
 схоронят, ведь они из Трои только что
 в Навплию прибыли. Протеев дом Елена
 в Египте бросила и не бывала в Трое.
 Зевс, жаждущий вражды и гибели людей,
 наслал на Илион подобие Елены.
 Пускай Пилад с женой, не тронутой супругом,
 в Ахею держит путь, где дом его родной,
 и, зятя мнимого доставит в край фокидский,
 и даст ему потом огромное богатство.
 По перешейку ты истмийскому ступай
 туда, где высится кекропский холм блаженный.
 Когда ты всё судьбе заплатишь за убийство,
 то будешь процветать, от всех свободен бед.

- Хор Сын Зевесов, нельзя подойти ли?
 Мы спросить вас о чём-то желаем!
- Каст. Подходите, не впавшие в скверну.
 Хор Вы ведь боги, вы братья убитой!
 Что ж вы дом от губительной Керы
 не избавили?
- Каст. Рок заставил нас, Необходимость
 и немудрые возгласы Феба.
- Эл. А мне можно сказать, Тиндариды?
 Каст. И тебе. Я виню только Феба
 в крови пролитой.
- <Эл.> Но какой Аполлон и оракул
 повелели, чтоб мать я убила?
- Каст. Дело общее, общая участь.
 Так обоих вас
 истерзало одно горе предков.
- Ор. Ах, сестра! Столько лет не встречаться,
 и любви твоей снова лишиться,
 и покинутым быть, покидая!
- Каст. Муж и дом у неё есть, и слишком
 не страдала она. Ей лишь Аргос
 не видать уже.
- Эл. А бывает ли горшее горе,
 чем покинуть родные пределы?
- <Ор.> Я же город оставлю отцовский,
 чтоб за мать на суде чужеземном
 защищать себя!
- Каст. Ну, смелей! Ты придёшь в град Паллады
 богоизбранный!
- Эл. Ах, к груди твоей дай мне прижаться,
 брат возлюбленный!
 Удаляет от отчего дома
 нас проклятье за смерть нашей мамы!
- Ор. Обними же, оплачь меня, будто

я в могиле уже коченею!

Каст. А! Слова твои слышать ужасно,
 пусть и боги мы!
 Ведь и мне, и владыкам небесным
 жалко смертных, страдающих тяжко!

<Ор.> Нам не встретиться!

Эл. Перед взором твоим не стоять мне!

Ор. Ныне слышишь привет мой прощальный!

Эл. Город мой, прощай!
 Горожанки, вы тоже прощайте!

Ор. Человек мой вернейший! Уходишь?

Эл. Ухожу! Бархат глаз моих влажен!

Ор. Что ж, будь счастлив, Пилад! И Электре
 мужем становись!

<Каст.> Им жениться, тебе же от этих
 псиц бежать и скрываться в Афинах!
 За тобой мчатся страшные лапы!
 Руки чёрные вьются, как змеи,
 плод ужасных страданий срывая!
 Мы спешим к сицилийскому морю,
 чтобы флот наш держать над волнами.
 Проходя по равнине эфирной,
 осквернённым мы не помогаем,
 но лишь тех, кто живёт справедливо
 и богов почитает, от тяжких
 испытаний и бед избавляем.
 Пусть никто не грешит добровольно,
 не плывёт с нарушителем клятвы!
 Вот слова мои, людям – от бога!

Хор До свиданья! Тот смертный, кто может
 жить в довольстве и без приключений,
 наслаждается долей счастливой!

Москва –Брисбен, 06.12.2016–10.07.2017 г.